

Вот уже около двух сотен лет среди значительной части общественности стран «круга европейской цивилизации» весьма популярна одна этно-филологическая и (в то же время) геополитическая тема. Этот интерес то возрастал, то ослабевал в зависимости от той или иной специфики данных хронологических рамок. Речь идет о т. н. «арийской проблеме».

Первая половина XIX-го столетия характеризовалась относительной «юношескостью» науки сравнительного языкознания. Еще не была установлена четкая система степеней родства древних и современных индоевропейских наречий между собой, хотя сама наша лингвистическая семья уже была четко определена. Отсюда и родилась легенда об арийстве германцев. К концу XIX в. лингвисты установили отсутствие непосредственной преемственности носителей западных индоевропейских языковых групп с древними ариями, но живучесть этой легенды выразилась не только в ложных идеологических построениях вожаков «третьего рейха», но и на всем обыденном этническом самосознании образованщины Америки и Северной Евразии.

В момент формирования в начале III-го тыс. до н. э.1 племенной группировки под самоназванием «арья» германцы уже более 1000 лет жили отдельно с непосредственными предками героя проблемы. Имя языковых пращуров всех индоевропейцев (в V тыс. до н. э.) нам неизвестно, но оно было по мнению филологов и историков иным².

Наиболее уродливо мифологизированные и даже грубо мистифицированные формы³ приобрело обсуждение арийской проблемы, к сожалению, в современных «постперестроечных» Украине и России. Хотя объективно (и в наибольшей степени) это тема последних двух стран.

Арии (или древнейшие индо-иранцы) начали функционировать под своим собственным именем только тогда, когда они уже отделились от других «подразделений» нашей языковой семьи: от предков хетто-лувийцев, иллиро-пеласгов, праэллинов, балто-славян, албано-фракийцев, армяно-фригийцев, прагерманцев и других, сведений о которых к исторической эпохе не сохранилось. Распространение индоиранских

(арийских) языков переселенцами из Восточной Европы, Казахстана и некоторых районов Западной Сибири во II-м и в I-м тыс. до н. э. в Переднюю, Среднюю и Южную Азию среди преимущественно ав-тохтонного населения придало (в процессе миграций) новые соци-ально-экономические импульсы указанным регионам⁴. Не обошлось, однако, и без временного разрушения пришельцами некоторых местных высокоразвитых по тем временам структур⁵. Оставшаяся же на своей евразийско-степной прародине часть ариев была в течение Новой Эры ассимилирована гунно-тюрками, славянами и финно-уграми. Данный же процесс еще более усложнил рассматриваемую проблему, за которой стоит феноменальное и весьма яркое этногенетическое явление.

Последние 8 лет в российской «демократической» (как и в любой иной подобного рода) печати звучат беспрестанные вопли о национальной «угнетенности» народов как бывшего СССР и царской Империи, так и нынешней «Эрэфии». Русские (под которыми подразумеваются только великороссы) обвиняются в «захватничестве и оккупантстве» всех и вся. Безапелляционно утверждается приоритет (по меньшей мере) «коренного населения» во всех границах произвольно нарезанных (разными поколениями правивших последние 80 лет Русью квази-интернационалистами) автономий. Особенно много было «демократического воя» по поводу «справедливой борьбы» чеченского «сопротивления» в защиту «своей столицы» г. Грозного и территориальной целостности «Ичкерии» на землях сунженских и терских станций (?).

Однако же, наличие последних предполагает существование здесь и казачества. Причем же здесь «борьба за освобождение Чечни»?

По сути это лишь часть всей проблемы взаимоотношений восточных славян и вайнахов или, еще шире, индоевропейского и северокавказского этнических массивов. Последние 1600 лет в данное противоборство подключился и 3-й элемент — гунно-тюрки.

Вайнахская (чечено-ингушская) этно-языковая общность весьма скудно освещена письменными источниками вплоть до XVII в. 1600-е же годы застают данную племенную

структуру в непосредственном соседстве с гребенскими и терскими казаками. Вайнахи занимали тогда горные районы к югу от современных городских границ Гудермеса и Грозного, а также правобережье среднего и верхнего течения р. Сунжи со смежными территориями вплоть до Большого Северокавказского хребта.

Отсутствие надежных исторических свидетельств о предках ингушей и чеченцев до Нового Времени позволяет обратиться нам к данным сравнительного языкознания.

Нахская группа северокавказской языковой семьи начала разветвляться на диалекты где-то во 2-й половине I тыс. до н. э. К «исторически-освещенной» эпохе сложилось 7 основных чечено-ингушских групп говоров⁶. Почти все они четко связываются с тем или иным горным районом. И только 1 из данных «макро»-диалектов — «плоскостной». Данное лингвистическое (языковое) обстоятельство говорит о более чем двухтысячелетнем пребывании основной массы вайнахов в гористой местности. И только одна (из 7!) пра-чечено-ингушская группировка начала осваивать где-то перед рубежом н. э. часть предгорья, в данном случае так называемую Чеченскую равнину — наклонную правобережную часть долины Сунжи⁹. Таким образом, сравнительное языкознание подает правайнахов середины I тыс. до н. э., как очень небольшую компактную «монодиалектную» этно-лингвистическую группу дагестано-уарто-хурритской ветви северокавказской семьи народов¹⁰. Жизнедеятельность же пра-чечено-ингушей проходила, судя по всему, где-то в высокогорных районах.

Однако вернемся к реалиям Нового Времени!

Проблема северокавказских горных территорий встала перед Россией в начале XIX в.¹¹ после добровольного присоединения к империи Романовых Грузии и северо-восточной Армении, а также завоевания северного Азербайджана. Как раз в момент «раздумий и сомнений» правительства Александра I в 1814 — 1816 гг. о судьбах горного Северокавказья чеченцами был совершен ряд дерзких военных набегов на российские владения, особенно на Хевсуретию и Кахетию. Так что данный раунд русско-вайнахского противоборства (1816-1859 гг.) фактически был начат «ичкерийцами». Последние вели свою борьбу против России, как известно, в союзе с рядом других северокавказских народов, Персией, Турцией, восставшей Польшей, Великобританией, Францией и Сардинско-Пьемонтским королевством. В процессе военных действий в горах русская администрация неоднократно практиковала (в порядке «умиротворения») переселения мятежных чеченцев и «нейтральных» ингушей на равнину¹².

Сложилась парадоксальная ситуация — «завоеватель» расширял этническую территорию «порабощаемых». Последние оказались на землях, которые им не удавалось (хотя бы частично) освоить за всю свою предыдущую многолетнюю историю.

Район к северу от Сунжи в годы Кавказской войны (да и позже) населяла группа терских казаков. Сформировалась эта «линия» станций в 1-й половине XIX в. в значительной степени из переселившихся сюда представителей прекративших тогда свое существование мало-российских казачьих полков¹³ — главным образом Нежинского и Черниговского. Кощунственным в этом аспекте сейчас выглядят «аплодисменты» РУХ-а и иных «самостийников» этнической чистке (что является одной из форм геноцида) 1991 - 1994 гг. чеченцев против коренного славянского населения северной половины современной т. н. «Республики Ичкерии». Ведь значительное число убитых, изнасилованных и хотя бы «просто» изгнанных из своих жилищ жертв дудаевского террора — потомки казаков сунженского отдела Терского казачьего войска, а это преимущественно этнические украинцы. Еще большей гнусностью и предательством (в этом аспекте) является участие самостийнических активистов в военных действиях 1994 — 1996 гг. на стороне субъекта геноцида — чеченских боевиков.

XVIII-е столетие для Сунженско-Терского междуречья характерно незаселенностью. Сказался сильный удар нанесенный гребенским казакам азербайджанцами, дагестанцами и вайнахами во главе с султаном Каибом Кубинским в 1707 г.¹⁴

Старейшее из русских северокавказских казачьих образований вынуждено было тогда отступить на левый берег Терека, но и горцам не удалось в те годы продвинуться севернее Сунжи. «Междуречье» стало «ничьей» территорией — местом стычек терцев и пост-гребенцев с вайнахами во время вооруженных противоборств. Необходимость же возвращения данной казачьей территории России (даже без оглядки на нападения чеченцев на Хевсуретию и Кахетию) — был достаточно весомый тогда предлог для начала военных действий в 1816 г.

В «спокойные» же периоды XVIII-го столетия незаселенные земли Сунженско-Терского междуречья изредка использовалась обеими сторонами для охоты. Событиям 1707 г. предшествовал довольно таки мирный контакт гребенцев с дагестанцами и вайнахами. Серьезных столкновений между казаками и горцами восточной половины Большого Кавказского хребта в XVI — XVII вв. не наблюдалось. И для тех, и для других основным

противником тогда еще оставались тюрки: крымские татары, пракумыкская и пра-карачаевско-балкарская ветви «пост-ордынских» половцев, ногайцы. «Стопроцентным» мифом является тезис о «400-летней агрессии» России против вайнахов. Непосредственное противоборство представителей восточной подсемьи северо-кавказских народов с русскими началось по инициативе первых 300 лет назад — в конце XVII столетия. Нахо-дагестано-хуррито-урарты попытались тогда осуществить очередную (не первую за тысячелетия) свою неудачную попытку завоевать степь, никогда ранее не принадлежавшую их предкам.

С конца XV и до начала XVIII вв. Сунженско-Терская область была прочно населена гребенскими казаками. Их «городки» до 1712 г. располагались даже на территории нынешней Грозненской агломерации. Так что современным «ичкерийским» переименователям не удалось раскопать ни одного вайнахского топонима на территории этого этнически «вычищенного» русского города. Чеченские оккупанты сейчас присвоили этому крупному нефтеперерабатывающему центру имя своего покойного главаря. Хотя Грозный такой же вайнахский город, как и Марсель - арабский.

Ранее, с середины XIII в. и до эпохи Ивана III, в данном регионе обитала пракумыкская группа поздних («ордынских») Половцев. Гребенцы в XV-XVI вв. их вытеснили на территорию к югу от нижнего Терека. Были ли половцы (кыпчаки или куманы) абorige-нами в Предкавказье?

Нет! Данное тюркское племя расселилось на левом берегу Сунжи лишь после разгрома средневековой северокавказской Алании Батыем. Остатки же данной группы аланов (последнего большого скифо-сако-сарматского племени Евразии) бежали в высокогорье, где явились одним из компонентов современных осетин.

Предыдущие же более чем 3,5 тысячи лет Сунженско-Терское междуречье было арийским, т. е. было населено племенами, в среде которых первоначально зародилась древнейшая индо-иранская речь, а также (позднее) и их прямыми киммерийскими (а затем и скифо-сарматскими) потомками. Без учета, естественно, тех групп ариев, которые ушли во II тыс. до н. э. в Переднюю, Среднюю и Южную Азию. При этом одни евразийские пост-арии последовательно сменяли в восточной части центрального Предкавказья других. Аланы заняли данный район в первые столетия н. э., вытеснив отсюда ранее поселившееся здесь другое сарматское племя — росиев (замеченных одним из христианских «отцов церкви» — Ефремом Сирином¹⁵). Эта этническая группировка, в свою очередь, выделилась (накануне своего появления в I в. н. э. на

Куме, Тереке и Сунже) из большого позднеарийского объединения аорсов.

Росии же, покинув затем Предкавказье, явились одним из компонентов левобережно-днепровского этногенеза¹⁶. Впоследствии (уже ославянившись) это племя явилось фундатором¹⁷ нашего огромного восточноевропейского государства, передав нам в наследство свое самоназвание¹⁸. Так что выходит, что и восточное Предкавказье — одна из прародин (в данном случае этимологическая) Руси.

Аорсам-росиям в Кумско-Терском регионе предшествовали во 2-й половине I тыс. до н. э. другие сарматские (савроматские) племенные образования. До начала же V в. до н. э. предкавказскую степь и все современное чеченско-дагестанское предгорье (в том числе и территорию нынешних населенных пунктов — Урус-Мартан, Аргун, Ново-грозненский, Шали, Сержень-Юрт, Аллерой)¹⁹ занимали скифы (сколоты). Окончательно перебравшись в первые десятилетия 2-й половины I тыс. до н. э. в Крым и таврийские степи эта самая знаменитая из позднеарийских этнических групп уступила почти всю свою северокавказскую территорию савроматам. Лишь некоторые склоны были освоены горцами. Именно тогда (по подсказке данных сравнительного языкознания) и началось, по видимому, освоение не-большой группой праваянахов правобережья Сунжи.

Восточное Закавказье (вместе с прилегающей к нему частью Большого хребта) во времена первых древнеперсидских царей (2-я половина VI — начала V вв. до н. э.) занимало объединение саспейров²⁰. Праваянахи, по-видимому, входили именно в это, вассальное Персеполису разноэтничное межплеменное образование, так как наличие других политических «единиц» в районе восточной части Большого Кавказского хребта документами (связанными с той эпохой) не замечено. Не были предки «чечено-ингушей» тогда и «суверенами». «Царь царей» Дарий I в 514 г. до н. э. полностью контролировал северокавказские перевалы, ибо рассчитывал свой поход против скифов завершить где-то между Черным и Каспийским морями²¹.

Сами же Праваянахи наверняка принимали участие (в составе саспейров) в грандиозных (по тем временам) переднеазиатских нашествиях (руководимыми персидскими Ахеменидами) как против Скифии (да и всей Вост. Европы), так и на Грецию²². Обе масштабные «операции», как известно, тогда были отражены.

Скифам в Предкавказье предшествовали киммерийцы — первый документально зафиксированный народ северокавказских и припонтских степей. Известно его

столкновение с древним закавказским государством Урарту в последней четверти VIII в. до н. э. Поход царя этой державы Русы I (через территории племенных союзов западных грузин — Гуриани и нахов — Нагиу)²³ был направлен, по-видимому, в сторону современной моздокско-малгобекской степи. Киммерийцы разгромили эту «экспедицию», почти полностью уничтожив армию урартов. Произошло это (согласно ассирийским источникам) где-то примерно в 716 г. до н. э. Интенсивное же вторжение киммерийцев в Закавказье, Армянское нагорье и Малую Азию произошло уже в следующем столетии. Тогда значительную их часть вытеснили из Вост. Европы скифы. Упоминает киммерийцев (где-то в 1-й четверти VIII в. до н. э.) в своей «Одиссее» и Гомер.

Хронологическим и территориальным аналогом данной племенной группы является завершающая стадия срубной археологической культуры. Ее поздний (белозерский) этап располагался на огромной степной полосе Восточной Европы от Дуная до Волги, от верховий Дона и до Северо-Кавказского хребта в XII — начале VII вв. до н. э. Письменные источники как раз и застают последних представителей данного хозяйственного комплекса в качестве киммерийцев, таких же (по мнению большинства современных исследователей) пост-ариев²⁴, как и скифо-сако-сарматы. Последние, как известно, были по языковой генеалогии северо-восточноиранцами. Киммерийцы же, по-видимому, — потомки «исконных» (не покидавших своей восточно-европейской прародины вплоть до 680-х гг. до н. э.) ариев. Наибольшее же «широтное» расселение всех «подразделений» этих «тита-нов Евразии» (имевшее место 2300-2400 лет назад) размещалось в степном и лесостепном пространстве от западной Монголии и Хакасии на востоке и до Венгрии и Румынии на западе.

Срубная культура — одна из последних в целом цикле т. н. «степной бронзы» огромной территории от Нижнего Дуная и до верхнего Енисея. Эту группу археологических культур специалисты и связывают, в целом, с древнейшими ариями. Первые же памятники «степной бронзы» (катакомбная культура) появляются в восточном Предкавказье еще во 2-й пол. III тыс. до н. э. Так что арийская часть предков русских уже населяла берега Терека и Сунжи почти 4,5 тысячи лет назад!

Влияние же данного компонента в нашем генофонде не меньшее, чем славянского²⁵. Поздне-арийские племена (в т. ч. и ранее нами перечисленные) киммерийцев, скифов-«пахарей», алазонов, гелано-будинов, скифов-«земледельцев», сполов, росиев и северско-донецкая ветвь аланов сыграли огромную роль в формировании «руси-чей». Существенным элементом формирования восточного славянства явились также античные северо-восточноиранские группировки «царских» скифов, скелото-катиаров, савроматов, каллипидов, «царских» сарматов, языгов, роксоланов, аорсов и сираков. Таков же, примерно, «вклад» средневековых буртасов, прочих аланов и аланорсов.

Мощный словарный фонд этих северных иранских племен обнаружен в белорусском, украинском и русском языках лингвистами, начиная с А. И. Соболевского. В восточнославянской лексике на сегодняшний день присутствуют тысячи терминов киммерийского и скифо-сакского происхождения: топор, собака, хорошо, год, огонь, смерд, степь, дом, слово, дело, вина, могила, жрец, чара, вопить, вещать, жевать, хранить и мн. др. Существенен иранский слой и среди наименований гидронимов (водоёмов) Руси. Среди них — Днепр (как, впрочем, и Борисфен), Днестр, Дон, оба Буга, Хорол, Рось, озеро Саки, Суда, Артополот, обе Самары, Сура и пр. Скифо-сарматского и киммерийского «корня» ряд раннесредневековых славянских племенных названий: анты, северо-ряне, поляне, хорваты, бужане, сербы и ряд иных.

В данный перечень входит и сама РУСЬ. Большинство серьезных специалистов в последние годы все более склоняется к северо-восточноиранской гипотезе (в противовес норманнской, тюркской, славянской, балтской, кельтской, готской и ряду других) происхождения нашего основного этнонима. Одни исследователи данное родоплеменное наименование возводят к роксоланам, иные же (что нам кажется более справедливым) — к аорсам. Оба эти мощные сарматские племенные потоки сформировались где-то в степном северо-кавказско-нижеволжско-яицко-эмбинско-приаральском макро-регионе²⁶.

Антропологический облик жителей юга Вост. Европы, предгорья Северокавказского хребта и дотюркского Казахстана (весь этот «супер»-регион именовался в древнейших индо-иранских текстах Арьянам Вайшья²⁷ — Арийский Простор) довольно-таки однообразен. Эта популяция аналогична, в целом, палеоевропеоидным типам тогдашних Северной и Восточной Европы. С небольшими, естественно, местными особенностями. Данная ветвь североевропеоидной расы у археологов получила условное название - андроновский («степной евроазийский» у палеоантропологов) тип²⁸. Его представители, впрочем, весьма характерны и для Древней Руси²⁹. Более того, в нашей «народной эстетике» данный прямоносый и относительно светлопигментированный персонаж — считается классическим русским. Он же аналогичен образу песенного «ухаря-купца» или герою пьесы А. Н. Островского — Мизгирю. Полную же антропологическую и эстетическую подноготную образу «гостя» из выдающейся феерии-сказки и фольклорным типам мы видим в шедеврах греко-скифского портретно-бытового искусства V — IV вв. до н. э. (Солоха, Чертомлык, Гайманова могила и др.)³⁰. Русоволосые персонажи этих сцен не только по пигментации, но и по физиономическим характеристикам находят полное соответствие как среди современных великороссов, украинцев и белоруссов (а также среди мордвы и удмуртов), так и у (по палеоантропологическим реконструкциям) у древнерусского населения³¹. «Андроновский» тип (сформировавшийся в древнейшем Казахстане, волго-доно-днепровских и северокавказских степях — Арьянам Вайшье) не

единственный из светловолосых среди восточных славян, но историко-эстетически так сложилось, что именно «степной евразийский» считается «классически-русским» обликом.

Весьма значителен скифосакский и киммерийский вклад в религи-озные верования восточного славянства и, соответственно, в древ-нерусский языческий пантеон. Такие божества как Сварог (Свар-га), Огонь Сварожич (Агни), Вий, Карна и др. — явно древне-индоиранского происхождения. Тот же «этнос» преобладает и в Верховном Пантеоне богов князя Владимира Святославича. Даже ака-демик Б. А. Рыбаков, излишне осторожный к признанию скифо-сако-киммерийского влияния на Киевскую Русь, и тот признает 4-х из этой «шестерки» иранцами: Хорса, Дажьбога, Стрибога и Симаргла³².

Несомненна культурно-хозяйственная и бытовая преемствен-ность русских с миром поздних ариев. Восточные славяне — одна из немногих земледельческих групп Средневековой Европы осущест-влявших пахотные работы на конной тяге³³. Это же было свойст-венно и оседлой части киммерийцев и северо-восточных иранцев (большинству носителей позднейшего этапа срубной культуры, «скифам-пахарям», алазнам, каллипидам, «скифам-земледельцам», гелоно-будинам, буртасам, «осевшим на землю» аланам, саяно-алтайским динлинам). Большинство остальных индоевропейцев применяло во-ловью тягу на пашне.

Значительны (а в ряде случаев и эпохальны) хозяйственные и технические достижения ариев (как ранних, т. е. до переселения части индо-иранцев на юг, так и поздних).

Сюда можно отнести приручение лошади, изобретение колеса, уп-ряжной конский транспорт, боевые колесницы, зарождение всадничества, появление кочевого отгонного скотоводства как нового тог-да (конец II — начало I тыс. до н. э.) хозяйственного уклада. Пер-вый среди автохтонов умеренной климатической зоны Евразии прото-город Вара (названный современными археологами «Аркаимом») осно-ван одной из групп ариев на Южном Урале (XVII в. до н. э.)³⁴. Это произошло, кстати, как раз накануне цикла самых массовых пе-реселений древнейших индо-иранцев (3550-3100 лет назад). Эта «макро-волна» миграций (в отличие от последующей, в Восточную и Центральную Европу, — скифо-сако-сарматской, 12 в. до н. э. — 3 в. н. э.) имела, как известно, южное и восточное направления.

Как ни у какого другого из «лесных» народов у восточных сла-вян опозитизирована в фольклоре степь. Значительные элементы прик-ладного искусства, одежды, народной архитектуры, песенно-хореографического творчества, обрядовых действий и пр. связаны с сар-матами, скифами, киммерийцами, племенам срубной и андроновской (в Казахстане!) археологических культур. Восходящий к сакам Сибири «звериный» и полихромный стили в древнерусском декоре пре-обладают (в целом) над праславянским «птичьим»³⁸.

Самая значительная этно-культурная и антропологическая преемственность к поздним ариям среди восточных финнов наблюдается у мордвы-эрзи. В языке последних даже Волга именуется по скифски — Ра. Наиболее «иранизированные» же славянские группы — южно-великороссы и украинцы-«схидняки». В «общесоциальном» же плане среди русских наиболее близко древнему «скифо-сибирскому миру» — казачество. Данная общность — не только культурные и антрополо-гические (как остальные восточные славяне), но в значительной степени и хозяйственно-бытовые наследники поздних степных ариев. «Станичники» во многом реконструировали скифо-сарматский и киммерийский полукочевой уклад.

Здесь уместна галльско-французкая аналогия. Современные пикардийцы, вандейцы, бургундцы, паризийцы, нормандцы и большинство других обитателей современной «5-й республики» — этнические и антропологические потомки кельтов, а языковые — «римлян». Никто не сомневается в такой особенности складывания северо-французской народности. Об этом (постепенной трансформации галлов во фран-цузов) свидетельствует, правда, исчерпывающая историческая ин-формация. У процесса же постепенного преобразования поздних ариев (киммерийцев и скифо-сако-сарматов) в ранних восточных сла-вян (антов) такой документации нет. Впрочем, любая другая ин-формация о регионах, где такое лингвистическое преобразование мо-гло иметь место — отсутствует. И именно в историко-хронологическом «пробеле» от Геродота (сер. V в. до н. э.) и до Иордана с Прокопием Кесарийским (1000 лет спустя). Данные современных специалистов самых различных отраслей гуманитарных наук показыва-ют не меньший, чем праславянский, культурный, хозяйственно-быто-вой, лексический, топонимический, этимологический, теонимический, этнографический, фольклорно-поэтический и антропологический эле-мент генофонда киммерийцев и скифо-сако-сарматов у «русичей»³⁶. Более того, у французов подобная преемственность к галлам даже не столь значительна³⁷, как у восточных славян к поздним ариям.

Казачество же (в т. ч. и терские) в значительной степени (как показано выше) восстановили степной скифско-киммерийский образ жизни. Данный «поли»-субэтнос — не только культурный и расовый (как и остальные русские) потомок, но в значительной степени и

хозяйственно-бытовой воспреемник пост-ариев. Казаки восточного Предкавказья — репатриировавшиеся в долины Терека и Сунжи в XV — XIX вв. ославянившиеся потомки киммерийцев и скифо-сарматов.

Предшествовали же «степной бронзе» в Восточной Европе (в т. ч. и на северных территориях современных Ингушетии, Дагестана и т. н. «Ичкерии») этнологически ей близкие (и, в основном, «предковые») энеолитические, неолитические, мезолитические и верхнепалеолитические археологические культуры III — XXXVII тыс. до н. э. Последний же хронологический рубеж — предел пребывания людей современного вида *Homo Sapiens* в субарктической климатической зоне, вообще. В среднем палеолите (40000 и более лет назад) северную половину Евразии населяли представители иного (ныне вымершего) вида людей — неандертальцы. Предки же нынешних т. н. «светлошатенных» народов и были первыми (в современном понимании этого слова) «людьми», заселивших умеренный географический континентальный евразийский пояс в его средней и западной части.

Биологическая (что многократно отмечали палеоантропологи³⁸) преемственность «степной бронзы» к еще большей «старине» субарктических регионов «идет рука об руку» как с этно-культурным, так и с лингвистическим наследованием. Специалистами отмечены закономерности подобных генеалогических переходов. «Степная бронза» и ряд других соседних и близких ей культур наследуют как энеолитические³⁷, так и еще более древние археологические явления⁴⁰. Ряд лингвистов (Н. Д. Андреев, в частности) как раз к восточно-европейско-казахстанско-западносибирскому «макро»-региону⁴¹ от-носит существование и первые этапы распада (XII — VIII тыс. до н. э.) древнейшей «палео»-праиндоевропейской общности - ностратической (или борейской) языковой макросемьи. Да и сами индо-европейцы ранние этапы своего разветвления⁴² прошли на юге Восточной Европы, вблизи от Северо-Кавказского хребта.

В верхнем же палеолите (40 — 10 тыс. лет назад) субарктическая поздневюрмская приледниковая «лесотундростепная» (ныне исчезнувшая т. н. «арктическая саванна») географическая равнинная полоса от центральноевропейских гор и до Алтая была единой огромной «охотничьей зоной». Наши предки «брали дань» с огромных стад мамонтов, шерстистых носорогов и северных оленей.

Северо-Кавказский хребет именно в ту эпоху стал одним из рубежей разделения и разветвления «гомо-сапиенсов» (неоантропов). Южные европеоиды освоили северный Индостан, Переднюю и Среднюю Азию, Средиземноморье. Предки же современных светлошатенных популяций расположились «ближе к полюсу» — между Атлантикой и

Саяно-Алтаем. Большой Кавказ объективно (в процессе расселения нео-антропов) стал одной из границ двух рас — северных и южных европеоидов.

Уже в н. э. в восточноевропейской степи появились (в процессе военно-переселенческой экспансии) представители смешанной северомонголоидно-североевропеоидной (южносибирской) расы. Первоначально это были гунно-тюрки. К золотоордынской эпохе (XIII — XV вв.) Северо-Кавказский хребет южных европеоидов разделял уже с южносибирцами. Но и в этой геополитической комбинации вайнахи остались к югу от Сунжи. Значительное же (опять таки воинское) восстановление североевропеоидами своих позиций в Предкавказье (конце XV - начале XX вв.) почти ничего не изменило в территориальном расселении чеченцев и ингушей. Народам же южносибирской расовой популяции (калмыкам и ногайцам) удалось сохранить за собой часть ранее завоеванных ими земель.

Геополитика «подарков»

Нет у вайнахов оснований пребывать к северу от Сунжи и по т. н. «праву победителя-завоевателя»!

Скорее даже наоборот. В 1859 г. дагестанско-чеченский имамат Шамиля капитулировал. Этническое ядро будущей «Ичкерии» (как и ряд аварских, даргинских, лакских, табасаранских и некоторых иных земель восточной части Большого Кавказа) согласно всем геополитическим закономерностям тогда стало российским. Все же последующие «силовые» попытки чеченцев освободиться (за почти 1,5 столетия) были в военном отношении абсолютно безуспешны. Если бы не наша (а вернее тех «интернационалистских» правителей, которые «оседлали» власть на Руси) «благотворительность»!

В 1918 г. вайнахи попытались в обстановке начала русской гражданской войны захватить казачьи станицы «сунженской линии». В тех условиях это им не удалось, хотя

в сумятице противоборства «крас-ных» и «белых» ингушам и чеченцам удалось истребить до 10000 ка-заков. Тогдашний (в начале 1919 г.) успех Деникина отбросил вайнахов в «исходное» положение.

Неудачи Добровольческой и казачьих армий после Орловско-Кромской и Воронежской операций вызвали новые поползновения кавказ-ских горцев на станичные земли. Однако и этот натиск ингушей и ряда чеченских тейпов был отражен казаками преклонного возраста — «супер»-запасниками. Все возможные мобилизационные резервы «сунженцев» тогда были брошены на «антибольшевистский» фронт. Обстоятельства трагически резко изменились с приходом в Терскую область Красной Армии в марте 1920 г. «Сунженцы»-фронтвики к тому времени разделились в районе Новороссийска. Часть эмигриро-вала в Турцию и «на Запад», а другие перебрались в Крым, к Вран-гелю. Многие же вынуждены были «перейти на сторону Советской власти» и были поверстаны в 1-ю и во 2-ю Конные армии. Почти ник-то из них не был свидетелем развернувшейся в те дни над своими «юртами» катастрофы.

Ингуши и часть «ичкерийцев» (при прямом и решающем содействии красноармейцев) учинили сильнейший погром терским станицам, сто-ивший местному казачеству (исключительно детям, женщинам и ста-рикам) 70 тысяч жизней. «Сунженская линия» тогда была временно ликвидирована и заселена вайнахами, как «революционными народа-ми», хотя чеченские тейпы большую часть гражданской войны были на стороне Деникина.

Были образованы 2 вайнахские автономии. Кроме районов издавна населенных этими горскими народами, в данные новообразования вош-ла и большая часть земель сунженского отдела терского казачества. Тем самым Серго Орджоникидзе (в том же 1920 г.) санкционировал «революционный» (но это вовсе не «геополитически-силовой»!) прирост этнических территорий чеченцев и ингушей. Грозненский район был выделен в округ центрального подчинения.

Образованная в 1936-1937 гг. Чечено-Ингушская автономная рес-публика (ЧИ АССР) включила в себя 3 составивших ее компонента как равносуверенные субъекты данного самоуправления, это были 2 ранее созданные вайнахские этно-политические единицы и русская — Грозненский округ. При всех последующих переделах ЧИ АССР должна была быть учтена трехчленная геополитическая наследуемость данно-го административного образования (чеченская, русско-казачья и ингушская). В 1991 — 1992 гг. ни руководство тогдашнего СССР, ни Российской федерации не заметили явочного раздела вайнахами русской составляющей данной автономии. Впрочем, этот антиправо-вой раздел не

легитимизирован какими-либо законными органами и до сих пор.

Про-гитлеровские восстания ингушей и чеченцев в 1942-1943 гг. обязывали к каким-то геополитическим метаморфозам с ЧИ АССР. Конечно, поголовное выселение вайнахов с Кавказа было чрезмерным актом возмездия, но союзничество этих народов с фашистской Германией не должно было остаться безнаказанным. Румыния, Италия, Венгрия, Финляндия, Таиланд и все другие союзники (кроме Хорватии) фашистской Германии и милитаристской Японии понесли (в качестве наказания) определенные геополитические «санкции».

Не является исчерпывающим вину вайнахов факт пребывания многих из них на советско-германском фронте с «нашей» стороны. «Мобилизационные» поколения чеченских и ингушских мужчин были все-таки призваны в Советскую Армию принудительно. Про-гитлеровская же акция вайнахов 1942-1943 гг. в тылу этой самой армии — са-модеятельность общин этих народов.

Как бы то ни было, вполне справедливым (по аналогии с судьбами ряда немецких, японских, венгерских, итальянских, румынских, финских и тайландских территорий в 1945 г.) выглядело бы в 1957 году (при восстановлении ЧИ АССР) не возвращать чеченцам Хасавюртовский, а ингушам Пригородно-Орджоникидзевский районы. Это была бы вполне естественная расплата за 1942 — 1943 гг. Однако Н. С. Хрущев умудрился облагодетельствовать вайнахов с лихвой за счет земель опять таки терских казаков. Были присоединены к вос-созданной автономии 2 казачьих района левобережного центрального Надтеречья.

К началу 1990-х гг. (несмотря на значительный антирусский бы-товой террор со стороны чеченцев и ингушей) сложилось определенное этническое равновесие на территории ЧИ АССР. Вайнахи полностью сохраняли численное доминирование на основной части своей коренной территории и частично восстановили свои поселения в Хасавюртовском и Пригородно-Владикавказском районах. Сунженская «линия» (без г. Грозного) представляла собой этническую «черес-полосицу». Последняя состояла из примерно равного соотношения горцев и русских (в числе последних было немало вернувшихся в 1944 — 1956 гг. на свою родину терских казаков сунженского отдела). Столица ЧИ АССР и «новоприсоединенные» в 1957 г. автономией надтеречные станицы характеризовались преобладанием славянско-го компонента.

Самоликвидация автономной республики в 1991 г. объективно должна была обусловить восстановление 3-х субъектов Российской Федерации, которые предшествовали акту 1936 г. Это — «орджоникидзевские» Ингушетия и Чечня, а также Грозненский округ. Верховный Совет (или Съезд Советов) России обязан был размежевать подобным образом ЧИ АССР. Вместо этого на «межвайнахский развод» (с расчленением русских этнических территорий автономии между ингушами и чеченцами) московскими властями были «закрыты глаза».

Затем произошел «дудаевский переворот» и уход (в конце 1991 — начале 1992 гг.) частей Российской Армии. Последнее было самой непростительной ошибкой Кремля из всех нынешних перипетий чеченских событий — длящихся уже 7 лет. Вполне можно было тогда войскам хотя бы сосредоточиться на русских землях бывшей ЧИ АССР до официального размежевания ВС РФ данной территории. В том же 1991 г. началась открытая этническая чистка невайнахского населения в «завгаевско-дудаевской» (большей) части рассматриваемого федерального субъекта (формально его еще до сих пор не разделили!) России. Данную форму геноцида в «республике Ичкерия» «теоретически обосновал» в 1990-1992 гг. в ряде своих статей на чеченском языке (в грозненских газетах) З. Яндарбиев. Этническая чистка в долине Сунжи (1991 — 1994 гг.) была проведена в полном соответствии с тогдашними балканскими образцами этого террористического «действия». Однако никакой «гаагский суд» и не собирается рассматривать данный прецедент.

Геноцид против русских оказывается не преступление, хотя факт этнической чистки в Грозном, Гудермесе и на «сунженской линии» установлен в 1995 г. достаточно представительными комиссиями И. Шафаревича, а затем и Ст. Говорухина. В результате данной ан-тирусской акции в 1991 — 1994 гг. изгнано (как принудительно, так и «добровольно») свыше 200000 человек. Многие десятки тысяч детей и женщин были изнасилованы. Число убитых оценивается обеими комиссиями примерно в 30000 человек. Сюда, однако, не включено до десятка тысяч детей младшего возраста, которым террористы свернули шейные позвонки. «Ичкерийские» органы власти и внутренних дел квалифицировали этих погибших, как жертв «бытовых травм».

Правосудие (несмотря на тогдашнее замалчивание «демократическими» СМИ как самого факта этнической чистки, так и другой, еще более «застарелой», формы антирусского террора — т. н. «белого рабства») необходимо осуществить! Наказание должны понести не только террористы, насильники и убийцы, но и подстрекатели, «ичкерийские» покровители геноцида, ее «теоретики», осведомители боевиков, составители «списков», соучастники в разграблении квартир, домов, целых станиц. Справедливая кара должна постигнуть матерей, обучавших своих сыновей «наилучшим способам» изнасилования своих славянских одноклассниц. Отвечать по закону должны

и те из чеченских «хранительниц домашнего очага», которые (выдавая замуж из Грозного в горные аулы своих дочерей) «обеспечивали» родственников жениха (с помощью боевиков своих тейпов) в качестве «свадебных подарков» (рабынь) тех же русских соучениц этих невест. Нельзя отвратить правосудие от священнослужителей, явочным порядком захватывавших станичные православные храмы и «перedelывавшие» их в мечети, а также и от тех групп вайнахского населения, которые в 1991-1994 гг. останавливали поезда и их грабившие. Всего ответственности подлежат сотни тысяч преступников.

Масштабность сокращения (за 3 года на две трети) численности русских в «Ичкерии» резко контрастирует с аналогичным процессом в Казахстане. В последнем, так же как и в Чечне, произошло очень значительное снижение жизненного уровня населения. Имеет место в Алма-Атинско-Акмолинской державе и определенный анти-славянский бытовой террор (особенно на юге республики, а со стороны казахской номенклатурной «золотой молодежи» — повсеместно). Но размеры иммиграции русских «Ичкерии» и Казахстана несопоставимы. Из последнего в 1992 — 1994 гг. выехало менее 10% славяноязычного населения. Темпы бегства в 7 раз ниже чеченских! Это ярчайшая внешняя (статистическая) иллюстрация факта этнической чистки русских на Сунже.

«Дем.»-СМИ эту форму геноцида все-таки заметили в Грозном — в кон. 1996 г.! События 1991-1994 гг. были ими выданы (П. Воцановым в «Комсомолке», в частности) за «справедливое возмездие» чеченского народа за проведенную в т. н. «Ичкерии» военную акцию федеральных войск. Последняя же, как известно, протекала в 1994-1996 гг. Воистину «демократическая» причинно-следственная связь!

Нельзя оставить безнаказанным и информационное «прикрытие» геноцида русских на части территории восточного Предкавказья (сейчас уже «вычищаются» станицы левобережья среднего Терека). «Дем.»-журналисты (особенно в этом преуспели северокавказские корреспонденты радиостанции «Свобода») должны отвечать по суду за пропагандистские манипуляции 1991-1994 гг., говорившие «на чеченскую тему» о чем угодно (в аспекте «борьбы Ичкерии за независимость») и в упор не заметивших главного — масштабной этнической чистки славян на Сунже, в Грозном и в Гудермесе и т. н. «белого рабства». Криминального преследования заслуживают дезинформации т. н. «четвертой власти» и в период военных действий. В не меньшей степени чем непосредственные преступники! Что можно сказать о репортере, трактовавшем на многомиллионную аудиторию убитую боевиками (за пребывание в ее квартире 4-х федеральных солдат) пожилую женщину — как «умершую от чувств», а «посылаемых за водой» дудаевцами (во время уличных боев) оставшихся единичных русских жильцов многоэтажек и ими же расстреливаемых с крыш снайперским огнем — как «жертв стрельбы с российских позиций». По «мнению» этого журналиста «Свободы» —

«федералам» толь-ко и снится, как бы расправиться со своими. На самом же деле — это сознательная заказная преступная манипуляция автора репорта-жа, за которую он должен нести ответственность. И не обязательно по суду! В такого типа случаях вполне был бы уместен и справедлив приговор полевого трибунала. Можно привести массу примеров подоб-ных (выше приведенному) случаев дезинформации.

Боевые действия вооруженных сил РФ против мятежников в 1994 — 1996 гг. велись непоследовательно. Целью военной акции было про-возглашено «наведение конституционного порядка», а не главный ло-гический ее прецедент — возмездие за геноцид. Ни один незакон-ный захватчик жилого фонда не был ни войсками, ни «промосковской» завгаевской администрацией выселен из присвоенного им во время этнической чистки 1991 — 1994 гг. жилья.

Разные цели преследовали при введении федеральных вооружен-ных сил в присвоенную дудаевцами большую часть территории бывшей ЧИ АССР различные кремлевские группировки. Одна из них сразу же сделала ставку на неуспех «чеченской экспедиции». Данная «фрак-ция» президентского окружения попыталась «обеспечить» все для по-ражения российской 35-тысячной «корпусной группы» из-за своего прозападного антирусского лоббизма. Согласно последнему — Рос-сии в любой геополитической (да и во всякой социально-экономи-ческой) комбинации необходимо наносить максимальный урон. «Демо-кратическая» агентура в высшем командовании (в виде разного рода «Воробьевых-Юшенковых») форсировала разлад и безалаберность в на-чальный период операции. Однако «отражения» боевиками Дж. Дудае-ва новогоднего штурма Грозного не вышло. Войска закрепились в ря-де важнейших объектов этого города, в т. ч. — на вокзале, в по-литехническом институте, в университете и др. стратегических по-зициях. «Воробьевы-Юшенковы» были в процессе борьбы за Грозный, в основном, удалены из действующей оперативной группы.

Тогда (при «подсказке» «дем.» - СМИ) удуговско-дудаевская про-паганда расшумелась в эфире (через радиостанцию «Свобода» — по-чему бы тогда было не ввести военное положение на территории быв-шей ЧИ АССР ?) о 80 «пленниках». Данная цифра должна была как бы свидетельствовать об эффективности «отражения штурма». При этом к 29 реально захваченным (в новогодней «воробьевско-юшенковской» неразберихе) военнослужащим удуговцы добавили и десятки погибших, трупы которых остались тогда в еще контролируемых дуда-евцами кварталах Грозного. Документы тех и других (как пленни-ков, так и обнаруженные у трупов) были обнародованы в эфире. Радиостанция «Свобода» приглашала родственников поименованных (как живых, так и уже убитых) к «переговорам о выкупе» с «ичкерийцами».

Другая часть кремлевского руководства делала ставку на «умиротворение» Чечни без усиления при этом авторитета армии, эта группировка московской власти опасалась эффективного подавления мя-тежников не меньше, чем самого расползания «ичкерийского» терро-ризма по стране. «Умеренной» части высшего руководства необходимо было сохранить униженное (запачканную «тбилисскими», «бакинскими», «вильнюсскими», «рижскими» и другими «антидемократическими преступлениями») войско и не допустить в нем восстановления уверенности в себе (в случае динамичного усмирения Чечни). И «демократическим», и «умеренным» кремлевским политикам есть чего опасаться! Возрожденная армия вполне может возмутиться предательством первых и неэффективностью вторых. Справедливы замечания в этом плане А. Невзорова в некоторых его репортажах.

Колебания «умеренных» московских властителей неоднократно «передегивали» назад наступающие на «ичкерийцев» воинские подразделения. Весной 1995 г. был осуществлен совершенно беспричинный «откат» продвинувшихся к горным бандитским гнездам федеральных цепей. Наступление вскоре, однако, было возобновлено, «федералы» (несмотря на существенную свою деморализацию еще с «перестроечных» времен) взяли тогда под свой контроль большую часть горных районов. Настоящим же «бальзамом на душу» «демократической» и «умеренной» «фракциям» околопрезидентского окружения явился басаевский террористический налет на Буденновскую больницу. Преступникам были обещаны переговоры представителей федеральной администрации с дудаевской верхушкой, а под эгидой последних в июне — августе того же года были оттянуты войска со многих завоеванных ими позиций.

Никакой необходимости в «буденновской капитуляции» не было. Даже в «провинциальном» Перу в сходной ситуации начала 1997 г. местные власти действовали совершенно иначе. Дудаевских террористов (уж в самом крайнем случае) можно было уничтожить в автобусах, по пути их следования с места своего преступления в район «базирования». Заложников с ними уже не было, а выдававших себя за таковых сочувствующих Ш. Басаеву (сопровождаявших его из Буденновска) «дем.»-журналистов воистину было бы не жалко!

Большую часть последнего двухлетнего пребывания российских войск в «Ичкерии» военные действия не велись, «фаза» воинской активности заняла у «федералов», в целом, порядка 10 месяцев.

2-е «возобновление» наступления российской армии на дудаевцев началось весной 1996 г. Наряду с прежними объектами наступления был взят и единственный из

незахваченных в операциях предыдущего года опорный пункт боевиков — Бамут. Однако летом того же года была выведена из кремлевского руководства (в перипетиях предвыборной борьбы) пропатриотическая группировка А. Коржакова — О. Сосковца. Эта околопрезидентская «фракция» пыталась реально довести карательную акцию против «ичкерийских» бандформирований до логического конца.

«Демократизированное» таким образом московское руководство по-требовало «прекращения войны». Командование действующей группировки войск вынуждено было «дипломатически маневрировать». Начался вывод ряда воинских частей и подразделений из относительно «замиренных» районов к Ханкале и в Надтеречье. Одновременно продолжались активные операции в горах по ликвидации там «гнезд» бандформирований. Но и эти бои к концу июля 1996 г. затихли. В Грозном к этому времени оставалось некоторое количество подразделений внутренних войск на ограниченном числе блок-постов. Никакого оцепления вокруг города практически не было.

Дудаевцы попытались в августе 1996 г. повторить знаменитую антиамериканскую наступательную акцию вьетнамских партизанских сил весной 1968 г. во время известной неколониальной войны США в Индокитае. «Вьетконговцам» тогда удалось (просочившись через не-контролируемые участки территории) захватить многие объекты в городах. Партизаны за считанные часы взяли под свой контроль как «незащищенные» американцами и их прихвостнями здания и сооружения, так и ряд пунктов, которые оккупанты и марионеточные силы охраняли.

Российские военные аналитики в середине 1996 г. объективно оценили тогдашний уровень боевых возможностей дудаевцев — ослабленный по сравнению с началом того же года. Воинская же «мощь» этих бандформирований тем более была намного ниже аналогичного потенциала «Ичкерии» начала самой чеченской кампании. Численность остатков масхадовского воинства также была оценена специалистами на 1 августа 1996 г. объективно — менее 10000. Так что для окончательной ликвидации дудаевского криминального «государства» осталось повозиться несколько месяцев. Предполагались военными аналитиками и возможности масхадовцев в плане «рейдов на города» в духе «вьетконговского», но значительно «бледнее». Что и случилось!

Масхадовское 5-тысячное (вместе с «затаившимся резервом» в чеченских семьях Грозного в ожидании подхода отрядов «из-вне») воинство в августе 1996 г. сумело ограничиться проникновением в неохраемые сооружения и жилые многоквартирные дома, находящиеся поблизости от блок-постов внутренних войск и контролируемых ими

же правительственных учреждений бывшей столицы ЧИ АССР, а также городов Аргуна и Гудермеса. Ни один из защищаемых внутренними войсками объектов когда-то крупнейшего центра нефтеперерабатывающей промышленности Северного Кавказа не был тогда дудаевцами взят. Российская армия (после нескольких дней неопределенности) вновь начала стягиваться к Грозному. Ряд кварталов был отбит. Ударная группа войск прорвалась к стратегически центральной позиции в тогдашнем расположении боевиков — площади «Минутка». Масхадовцы оказались в каменном мешке кварталов Грозного. В этот раз (в отличие от февраля 1995 г.) большинству боевиков не удалось бы выйти из оцепления (хотя и не очень плотного — в силу немногочисленности войск) сунженского мегаполиса.

Армия только в августе 1996 г. почувствовала вкус к настоящей межнациональной войне. Было проведено ряд суровых акций против явных пособников дудаевцев среди т. н. «мирного чеченского населения». Войска начали перенимать и некоторые эффективные психо-террористические приемы своих врагов и небезуспешно. Масхадовская акция в Грозном, Аргуне и Гудермесе объективно ускорила крах «дудаевщины» в Чечне. Потери боевиков и особенно их «помощников» в августовские дни 1996 г. были как никогда велики. «Ичкерийщина» как реальная военная сила после августовской «операции» не просуществовала бы и до ноября. Однако в этот критический (и перспективный для окончательной ликвидации дудаевского криминального сообщества момент) последовала «капитуляция Лебедея».

Несмотря на «миротворческое» давление своего окружения (про-патриоты «фракции» Коржакова и Сосковца тогда из «свиты» президента уже были, в основном, удалены) Б. Ельцин поручил во 2-й половине лета 1996 г. окончательное решение вопроса по прекращению военных действий в Чечне и в Грозном своему тогдашнему секретарю Совета Безопасности. А. Лебедь использовал момент обострения военных действий на Сунже в своих политиканско-популистских электоральных (как ему в той обстановке показалось) интересах. Он решил набрать ряд «потенциально-предвыборных очков» у пацифистующих мамаш и прочего «миролюбивого» люда России. Интересы же державы (которые выиграли бы в результате логического военно-го завершения «августовской» операции А. Масхадова в течение осени) А. Лебедь проигнорировал ради своей сиюминутной (как это выяснилось позднее) выгоды. Одних потенциальных избирателей он приобрел, но других-то (русские Сев. Кавказа, казачество в целом и ряд других слоев населения) потерял. Со временем число последних даже превысило «электоральный довесок» Лебедея августа — сентября 1996 г. И России навредил, и свой, в конечном счете, предвыборный «имидж» ухудшил!

В настоящее же время А. Лебедь утверждает, что всего лишь «выполнял приказ» президента, но это не совсем так. Б. Ельцин тогда отдал вопрос о завершении военной

кампании в Чечне в полное рас-поряжение «секретаря Совета Безопасности с расширенными полномо-чиями» вплоть до конца 1996 г.

Некоторые итоги

Нынешний «раунд» противоборства вайнахов и славянизированных потомков пост-ариев (киммерийцев и скифо-сарматов) принял пока что неблагоприятный для последних вид. Решающим фактором данного ущерба русским были некомпетентность, формализм, оторванность от реальной межнациональной жизни значительных прослоек отечественной «номенклатуры», интеллигенции, да и многих иных слоев нашего народа. Другие же нанесли ущерб своей популяции в процессе ложно понимаемого ими личного сиюминутного эгоистического интереса. Сю-да можно отнести, среди прочих, того же А. Лебедея, московских котрагентов чеченских «авизовочных» махинаторов, буденновских и кизлярских алкоголиков — «за бутылку» работавших на террористов осведомителями среди заложников, а затем активно рекламировавших перед «дем.»-СМИ «хорошее» отношение боевиков к насильно захва-ченными ими людям. Примерно такой же «общий язык» с «тейповскими активистами» нашли и грозненские «русскоязычные» любители «зеле-ного змия». В многоквартирных домах, где не было жильцов-вайнахов, местные алкоголики (опять таки «за бутылку») составляли для чеченских «восстановителей справедливого перераспределения мест обитания» списки на выселение и активно помогали «ичкерийцам» осуществлять сгон коренных грозненцев. Последними, естественно, изгонялись из данных жилых объектов и сами «добровольные помощни-ки».

Львиную же долю ответственности несет «пятая колонна» (в правительстве и в других управленческих структурах, прессе, телеви-дении, в творческих и некоторых иных кругах, занимающихся апологетикой чеченского (в т. ч. и уголовной его разновидности) терроризма. По своему справедливым выглядит факт «поворота» (после окончания последнего «раунда» военных действий в сентябре 1996 г.) «острия» системы «ичкерийского» захвата заложников против сочувствующих дудаевцам

«дем.»-журналистов. У наших «правочеловеков» повторилась история грозненских алкоголиков.

К выше рассмотренной «пятой колонне» можно отнести и компра-дорскую часть буржуазии, а также снобированные группы т. н. «образованщины». Все эти категории изменников (как сознательных, так и «невольных») должны нести ответ как за украденную у России победу, так и за планомерный сгон автохтонного «белого» населения со значительного куска территории своей евразийской родины.

Последнее обстоятельство вовсе не означает факта поражения федерального «полукорпуса» и приданных ему сил МВД от дудаевцев, как о том расшумелись в СМИ разного рода «минкины». Если по их мнению «август-96» в Грозном, Аргуне и Гудермесе — новая «цусима», то где же «потопленные броненосцы». Ни один из охраняемых внутренними войсками пунктов не был чеченскими боевиками взят. Масхадовская акция в нижней части долины Сунжи отнюдь не боевой успех, а всего лишь умелый и удачный в краткосрочном плане ма-невр. Данная относительная эффективность августовской операции дудаевцев, с другой стороны, исчерпывала их потенциальные возможности для дальнейшей долговременной партизанской формы борьбы «ичкерийцев» против российских сил.

Окончательная победа «федералов» была вполне реальна. Об этом говорят и цифры соотношения потерь дудаевцев, с одной стороны, и всех (задействованных в «умиротворении» Чечни) видов российских войск и милиции, с другой. Мятежники потеряли только убитыми — порядка 25000 боевиков и т. н. «ополченцев». Аналогичный же ущерб российских сил — менее 5 тысяч жизней. Причем, правительственные войска в периоды «перемирий» несли более крупные потери (за исключением, может быть, 2-х грозненских эпизодов из «горячих стадий» конфликта — «январского» (1995 г.) и «августовского» (свыше 1,5 лет спустя), чем во время боев. Мирного населения с декабря 1994 г. и по «масхадовско-лебедевский» август погибло примерно 18000 человек. Здесь сказался как сам процесс ведения во-енных действий, так и продолжавшийся (хотя значительно ослабев-ший во время военной кампании) вайнахский бытовой террор против славян. «Мирных» чеченцев и ингушей погибло 13 тысяч. Местных же (и прикомандированных) невайнахов (в основном русских) — около 5000. Итого, округленные чечено-ингушские потери составили за два предшествующих Хасавьуртовским соглашениям года приблизи-тельно 36 тысяч (а не 100000, как «прослезились» «дем.»-аналити-ки) убитыми. Русские же — 10 тысяч.

Однако баланс взаимных потерь будет не полным без учета Грозненско-Сунженской

чистки 1991 — 1994 гг. Тогда получается «пе-ревес» на стороне вайнахов — порядка 50 тысяч убитых восточных славян против все тех же 38000 чеченцев и ингушей. Внутривайнахские «разборки» мы не считаем, т. к. и жертвы русских в результате их внутрисоциальных потрясений были намного выше (в процент-ном соотношении) «человеческих издержек» межтейповых конфликтов. Не уместна в данном раскладе «счетов» ссылка на соотношения чис-ленности обоих этносов. Чеченцы — одна из небольших «авангард-ных» групп южно-европеоидной расы. Последняя четко обозначилась в завершающей трети XX в. своей демографической, переселенческой и популяционной экспансией на «Атланти-Евразию». Русские же (великороссы, украинцы и белорусы) пока еще одна из крупнейших (наряду с т. н. «белыми американцами») наций северо-европеоидной (в ее «слегка» смешанной с другими различными ветвями неолитов — светло-шатенной форме; впрочем таковы же и «янки») расы.

Еще «горше» нашим позициям (помимо «перевеса» над противником в человеческих жертвах) из-за территориальных утрат этнической России — Грозного, Гудермеса, Сунженской казачьей «линии». Сей-час уже фактически «вычищается» и центральный участок собственно терских станиц.

Бытовой террор вайнахов в 1957 — 1990 гг. унес еще десятки тысяч славянских жизней. Примерно столько же потеряли чеченцы и ингуши в процессе своей депортации 1944 г., но этот «баланс» с лихвой перекрывается более чем 20-ю млн. лояльных СССР жертв Ве-ликой Отечественной войны. Конечно, «львиная доля» погибших за-щитников (хотя и «коминтернизированной», но однако все-таки еще функционировавшей) России приходится на основного ее противника — фашистскую Германию, но даже если на союзные Гитлеру ингушскую и чеченскую общины «списать ответственность» за менее чем 1 про-цент доли наших потерь, то это получится почти 200 тысяч убитых. Еще более усугубляется этот «дисбаланс» резней горцами казаков в 1918 и 1920 гг. Данный вайнахский «перевес» явно не «погашается» превышением потерь чеченцев над «издержками» царских войск в Кав-казской войне XIX в. Не изменит, пожалуй, негативного для нас соотношения потерь и анализ русско-горских противоборств XVIII-го столетия в восточной части Большого Кавказского хребта.

Данный вайнахский геополитический и «кровный» перевес, как мы видим, «нарос» за последние десятилетия за счет периодов «мирного сожительства» чеченцев и ингушей со славянами. В период же воен-ного столкновения 1994 — 1996 гг. этот «дисбаланс» даже несколь-ко сократился. «Мир» в сегодняшних условиях наруку вайнахам, а «война» — русским. При отсутствии военных действий между чечен-цами и «федералами» гибнут, в основном, от рук «ичкерийцев» — славяне. Когда же вспыхивает «горячий» конфликт — число жертв среди вайнахов в несколько раз больше чем у русских.

Чеченские боевики в процессе последнего вооруженного конфликта явно не оправдали возлагавшихся «демократами» надежд на их воинственность. Дудаевцы показали себя добротными террористами (как, впрочем, и умелыми уголовниками — наряду с прочими «лицами кавказских национальностей»). Неплохие боевые качества проявили «ичкерийцы» в уличных боях, но достаточно заурядные — в своих родных горах. Темпы передвижения нынешних «федералов» и спецвойск по горным кручам были значительно выше (и с намного меньшими потерями), чем аналогичные маневрирования царских (тем более, что последние были намного морально устойчивее нынешнего «остатка» Советской Армии) войск в их многолетней борьбе против Шамиля («не-Басаева»). Вся горно-партизанская эпопея дудаевцев ограничилась (да и то в переходный от «перемирия» к «активным действиям» момент) только одной крупной засадой — у Ярыш-Марды.

Совсем невысокий боевой уровень продемонстрировали чеченцы в полевых условиях. Впрочем, это особенность всех нынешних южно-европеоидов (или, как иначе их называют антропологи, — индо-средиземноморцев). Современную фронтową борьбу (где-то с начала XX в.) представители этой популяции (или носители значительного ее генофонда) не переносят. Это объективное обстоятельство. Как, например, в спорте. В некоторых видах последнего доминируют представители одной расы. В то же время спортсмены этой же популяции ничего не могут сделать в других «разделах» соревнований. И это несмотря даже, порой, и на многочисленность занимающихся ими среди представителей данной расы. Так и с современной фронтовой обстановкой. Она — «не в коня корм» нынешним южно-европеоидам. Это показал «боевой опыт» XX-го столетия Италии, Румынии, Египта, Сирии, Аргентины, Азербайджана, Грузии и других стран со значительным индо-средиземноморским генофондом. Естественно, что мы не можем судить по «внутри-южноевропеоидным» военным «разборкам». Современную же партизанскую и уличную вооруженную борьбу индо-средиземноморцы вполне переносят. Это видно из действий итальянских гарибальдийцев конца 2-й мировой войны, алжирских «федаев», афганских «моджахедов», тех же дудаевцев.

«Прорыв» С. Радуева из Первомайского в начале 1996 г. — особый случай. «Элитные» московские части (которым поручили ликвидацию напавших на Кизляр террористов) не захотели мерзнуть и «мокнуть» в оцеплении. Плотность последнего оказалась значительно «жиже», чем могла бы тогда быть. Если бы радуевцами занялись части, имевшие многонедельный опыт операций под Аргуном, Семашками, Шатоем, Ведено и других опорных пунктов «Ичкерии», то нынешний «борец со всей Россией» тогда бы не «проскочил».

Другой важной причиной «прорыва» возвращавшихся из Кизляра террористов явилось непроведение властями РФ (хоть такая возможность в 1995 — 1996 гг. была) «контрчистки» незаконных заселенцев (или сомнительных «покупателей») на русских территориях т. н. «Ичкерии». Надтеречные станицы, хотя и не подверглись в 1991 — 1994 гг. такой этнической чистке как сунженские, также испытали на себе значительный вайнахский бытовой террор. Часть обитавших же на «подаренных» Хрущевым чеченцам и ингушам казачьих землях «иногородних» и «новопоселенцев», поддавшись нажиму гор-цев, продали последним за бесценок свои дома. Вот радуевцы и ук-рылись в конце зимы 1995 — 1996 гг. в семьях подобных «колонист-тов».

Впрочем, проблема физических, психологических, демографических, да и социально-экономических потерь русского этноса (в виде убитых, выселяемых, «подрезанных», изнасилованных, ограбленных, обманутых, «дотирующих») в своем контакте с вайнахами (в частности) и с «лицами кавказских национальностей» (в целом) оскорбительна!

Человек современного вида (*Homo Sapiens*) явился единственным на нашей планете представителем «мира живых», который сумел саморазвиться в общественный организм. Противоречия между биологической природой людей, с одной стороны, и социальными условиями их существования, с другой, явились постоянным фактором существования человечества. Однако дарвиновские закономерности (естественный отбор) функционирования подвидов, популяций, антропо-логических типов (а в нашем случае еще и национальностей) оставались актуальными для *Homo Sapiens* вплоть до 1-й мировой войны. Преуспевающие (политически или экономически) сообщества людей (племенные союзы, государства) опережали, как правило, в своем численном росте «середняков», а тем более аутсайдеров. Последние (если не находили «внутренних резервов» для своего социально-экономического ускорения) утрачивали свои территории. Отстающие человеческие популяции при соприкосновении с лидерами резко теряли свою процентную долю в составе нашего вида-«социума». Классическим примером подобного развития явилась судьба американских индейцев XVI-XIX вв.

Определенным исключением данной цепи закономерностей является гумилевская т. н. «пассионарность». Но и последняя предполагает не очень большой разрыв социально-экономических потенциалов этноса-«победителя» и его «жертв». Монголы Чингисхана хотя и уступали «объектам» своих завоеваний по многим хозяйственно-бытовым показателям общественно-формационного уровня, но имели примерно такую же материально-техническую базу изготовления оружия, как и покоренные ими государства.

Чеченцев (по приведенному выше анализу их воинской деятельности) нельзя считать «пассионариями». Да и социально-экономическое отставание их от русских намного выше, чем монголов XIII в., например, от тогдашних китайцев. Вайнахи пока еще находятся на поздне-родоплеменном уровне общественно-формационного развития с (органически «вплетенными» в последний) начальными формами рабовладельческого, феодального и мелкотоварного укладов. Оружие, которым они сейчас оснащены, чеченцы не способны (за исключением лишь единичных видов вооружений) производить. Из современных производственных профессий ими освоены практически лишь строительные специальности. Большую же часть «валового» дохода чеченской общины с конца 80-х гг. стали составлять уголовно-криминальная и (в «лучшем» случае) «махинационно»-паразитическая «прибыли».

Психологический склад вайнахов (несмотря на удивительную немотивированную стихийно-подсознательную «ловкость» и динамичность в разного рода бытовых коллизиях) за редкими исключениями (Р. Хасбулатов, М. Хаджиев, А. Масхадов) тесма иррационален. Подавляющее большинство чеченцев вполне искренне верит, что местное русское население («засранцы», как они их называют) должно одновременно и «выселиться за Дон», и разбирать развалины Грозного, и отдавать «коренным» свои квартиры, и работать на «грязной» нефтепереработке. Сегодняшний рядовой обитатель дудаевско-масхадовской «державы» убежден в возможностях «гяуров» не получать зарплаты и в то же время «возмещать» любому обратившемуся к нему «автохтону» любые его потребности (в т. ч. и денежно-материальные), быть «продуктивным» работником в его доме и почти ничего не есть. Среднестатистический «ичкериец» уверен в том, что «независимость» Чечни означает для него еще большие «безтаможенные» возможности для его спекуляций, махинаций и криминально-уголовной деятельности по всей России.

Своеобразно интерпретировали вайнахи свою «окончательную реабилитацию» в пособничестве «третьему рейху» в 1942-1943 гг. Если еще лет 9 назад они категорически отрицали (и притом вполне искренне) свое какое-либо касательство к взаимодействию с вермахтом, то в начале последнего десятилетия нынешнего столетия (после «реабилитационных» решений высших законодательных органов СССР и РСФСР) чеченцы решили, что они «были правы». Стало активно афишироваться «справедливая борьба» вместе с Германией против «диктаторского сталинского режима». Дж. Дудаев и ряд других «ичкерийских авторитетов» на разного рода банкетах хвастались теми или иными подробностями содействия и контактов «своих отцов и старших братьев» с 1-й немецкой танковой армией и ее командующим Э. Клейстом, абвером и его шефом В. Канарисом, лично с А. Гитлером. Современный же среднестатистический вайнах понимает эту историческую проблему таким образом, что чеченская и ингушская общины «героически сражались» и на стороне Германии, и на стороне СССР — одновременно!

Стыдно перед такой примитивной общественно-формационной структурой «пасовать»! Геополитически справедливой была бы пропорция жертв столкновения (уж коль оно состоялось) народов социально-экономических уровней русских и чеченцев в соотношении 1 к 10. Как, например, у французов во всех их войнах с алжирцами. Такой «масштаб потерь» был при завоевании Парижем данной крупнейшей магрибинской страны в XIX в. Во время же антиколониальной войны 1954-1962 гг. данная пропорция в пользу европейской стороны против арабской достигла нескольких десятков. Не зря Р. Хасбулатов (во время некоторых своих дискуссий с земляками) подчеркивал — «Вы делаете все, чтобы русские нас уничтожили». Тогдашний спикер ВС РФ понимал, что «знает кошка, чье мясо съела», ибо представлял себе масштабы этнической чистки и понимал, как за такое преступление объективно его сородичам пришлось бы (при нормальном национальном руководстве в Москве) сурово расплачиваться. А, во вторых, Руслан Имранович не питал иллюзий (и притом вполне справедливо) относительно возможностей чеченского сопротивления. Кремлевская верхушка (по крайней мере ее большая часть) сделала все, чтобы извратить саму акцию возмездия «ичкерийцам» (объявив вместо нее «наведение конституционного порядка»), а затем направить этот карательный процесс в такие условия его обеспечения, чтобы нанести оптимальный ущерб России.

Впрочем, подобная (примерно с 60-х гг. нынешнего столетия) беда (хотя и намного меньшего масштаба) охватывает сейчас все современные развитые сообщества. И не только североевропейскую (большую) часть этого т. н. «золотого миллиарда». Налицо явная повсеместная и всесторонняя экспансия именно аутсайдерских социумов (и этносов) на территории более-менее цивилизованных (в реальном, а не снобистски-обывательском, понимании этого термина) народов. Специфика XX в. состоит в том, что прежняя (до 1-й мировой войны) дарвиновская закономерность соответствия, в целом, социально-экономического лидерства авангардных сообществ людей их более расширенному (по сравнению с «средняками» и аутсайдерами) этно-демографическому воспроизводству нарушена. «Золотой миллиард» явно проигрывает (с сер. 20-го столетия) в популяционном соревновании с т. н. «третьим миром». Этно-демографический кризис характерен сейчас как охваченным социально-экономическим кризисом «секциям» (типа нынешней России) развитой части человечества (притом, в более сильной степени), так и внешне благополучным Западу и Японии.

Данная закономерность свидетельствует о каком-то более глубинном, морально-психологическом «катарсисе» цивилизованной зоны Земли. Вполне вероятно, что излечение «золотого миллиарда» начнется в наиболее «переплетенном противоречиями» его «подразделении» — этнической Руси (России, Украине, Белоруссии и ряда др. территорий бывшего СССР). «Ичкерия» и ей подобные явления на землях нынешнего СНГ могли бы (при наличии общенационально и популяционно ориентированных руководителей 3-х нынешних русских государств, а также и

самоорганизовавшихся восточнославянских общин других регионов бывшей Российской Империи) стать реальным враждебным (и притом серьезно опасным в долговременном плане) «жу-пелом» для сплочения и мобилизации нашего народа. На базе же им-пульса данной самоорганизации разрешимы (при наращивании послед-ней) и другие северо-евразийские социальные, экономические, демографические, популяционные, геополитические и пр. проблемы Ру-си. В результате же вероятного решения своих макро-региональных проблем нынешние славянизированные потомки ариев могли бы «взять-ся» и за глобальный морально—психологический кризис развитой ци-вилизации.

Впрочем, «лебедевско-миротворческий» вариант решения «чечен-ско-русского узла» противоречий (хотя несомненно было бы спра-ведливее «додавить» бандитов, террористов, убийц и насильников!) допустим. Однако осуществить этот «мир» можно было бы лишь в случае ликвидации последствий этнической чистки 1991 — 1994 гг. Все незаконно-захватившие квартиры, дома, станицы и церкви лица должны быть выселены. Материальный ущерб всем пострадавшим от данной формы геноцида необходимо было возместить за счет чечен-ских тейпов. Проведен суд над «теоретиками», организаторами, ис-полнителями и покровителями Сунженско-Грозненско-Гудермесской этнической чистки 1991-1994 гг. Гибель же основного ее прес-тупника в апреле 1996 г. не снимает необходимости осуществления данного процесса. Смерть А. Гитлера в том же апреле (уже 1945 г.) не отменила Нюрнбергского трибунала. Изгнанное население Сунжи, Грозного, Гудермеса и среднего Терека должно быть возвращено. ЧИ АССР образца нач. 1991 г. справедливо разделана и без оглядки на «завгаевщину». На месте этой бывшей автономии необходимо офор-мить Ингушетию, Чечню (со столицей в Шали или Ведено) и Гроз-ненскую область.

Такое развитие событий еще вполне реально. «Лебедевско-рыбкинское» же перемирие — тоже вероятный (либеральный) вариант решения проблемы, но на других условиях. Для этого необходимо ус-тановить («дипломатическим» или военным путем) другую разграницительную линию сторон конфликта — вдоль трассы Ростов — Баку от Ингушетии и до Дагестана. Войскам это даже дешевле нынешней линии соприкосновения с дудаевцами. Все равно сейчас армия и си-лы МВД вынуждены стеречь нынешнюю «Ичкерия», располагаясь на значительных территориях Ставрополя, Калмыкии, Дагестана и Ингу-шетии. Линия же по трассе «Ростов-Баку» гораздо короче вышеука-занного полупараллелепипеда! Нарушения внутрифедеральных границ здесь нет, ибо ЧИ АССР еще официально никакой законный орган не делил.

Январские (1997 г.) выборы — не легитимны. Они были прове-дены в условиях 90-процентной (на начало этого года) этнической чистки русского (коренного — пост-киммерийского !) населения сунженско-среднетерского сектора казачьих земель. Имел место и значительный выезд с территории бывшей ЧИ АССР лояльной Москве

«прозавгаевской» части чеченского электората. Кроме того, январские выборы фактически были безальтернативными. Все кандидаты (как в местный парламент, так и на «пост президента») стояли на «ичкерийской» политической платформе. Более чем достаточно оснований федеральному центру не признавать избирательный процесс начала 1997 г. в этой (большей) части территории бывшей ЧИ АССР!

Восстановление же демографического «статус-кво» (таким, каким оно было до этнических чисток, 1991 — 1994 гг. и пост-«хасавюртовской») избавит расположившиеся (в результате все-таки силового решения проблемы) вдоль трассы «Ростов-Баку» войсковые и милицейские силы от серьезных «партизанских эксцессов» со стороны «ичкерийцев». Большинство чеченцев на законных основаниях (как захватчиков чужой собственности!) должно быть удалено со старых казачьих (и древнеаланских, и «росиевских», и сарматских, и скифских, и киммерийских!) земель Сунжи и среднего Терека.

Примечания

1. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. — М., 1983, с. 163.
2. Ильин Г. Ф., Дьяконов И. М. Индия, Средняя Азия и Иран в 1-й пол. I тыс. до н. э. //

История Древнего Мира (кн. 1). — М., 1983, с. 330.

3. Каныгин Ю. М. Путь ариев. — К., 1995.

4. Чередниченко Н. Н. Срубная культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. — К., 1986, с. 79.

5. Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. с. 185 — 192.

6. Гриценко Н. П. Чечено-Ингушская АССР // Советская историческая энциклопедия. Т. 15 — М., 1974, с. 996.

7. Милитарев А. Ю. Какими юными мы были двенадцать тысяч лет назад?! // Знание — сила. — М., 1989, N 3, с. 49.

8. Алексеев М. Е. Чеченский язык // Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. Т. 29. — М., 1975, с. 521.

9. Татаев В.А. Чеченская равнина // БСЭ. 3-е изд. Т. 29. 1978, с. 521,

10. Милитарев А. Ю. Какими юными мы были 12 тысяч лет назад?! // Знание — сила. с. 49, 50.

11. Михайлов О. Н. Генерал Ермолов // Михайлов О. Н. Избранное. Т. 2. — М., 1989, с. 340 — 341.

12. Кавтарадзе А. Г. Кавказская война 1817 - 1864 // БСЭ. 3-е изд. Т. 11. — М., 1973, с. 344.
13. Стефанов Ю. А. Терское казачье войско // БСЭ. 3-е изд. Т 25. — М., 1976 , с. 1518.
14. Стефанов Ю. А. Терское казачье войско // СИЭ. Т 14. — М., 1973, с. 201
15. Кобычев В. П. В поисках прародины славян. М., 1973, с. 102.
16. Павленко Ю. В. Передісторія давніх русів у світовому контексті. — К., 1994, с. 277.
17. Железняк І. М., Корепанова А. П., Масенко Л. Т., Стрижак О. С. Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. — К., 1985, с. 122 — 124.
18. Абакумов О. В. Відгалуження антського діалекту. // Ономастика України I тис. н. е. — К., 1992, с. 20, 21, 26.
19. Махортых С. В. Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991, с. 112 — 122.
20. Геродот. Історії в дев'яти книгах. — К., 1993, с. 44, 46, 188, 189.
21. Там же, — с. 202 — 203.
22. Там же, — с. 318.

23. Канцельсон И. С., Редер Д. Г. Хрестоматия по истории Древнего Мира. Т. 1. — М., 1950, с. 216, 219.
24. Ильинская В. А. Киммерийцы, скифы, сарматы // История Украинской ССР. Т. 1. — К., 1981, с. 136 — 137.
25. Абакумов А. В. Славяне в Казахстане: возвращение на Родину? // Экономическая газета — Развитие. — М., 1997, N 16, с. 8.
26. Ильинская В. А. Киммерийцы, скифы, сарматы // История Украинской ССР. Т. 1. ..., с. 188 — 201.
27. Брагинский И. С. Арйана Вэджа. // Мифы народов мира. Т. 1. — М., 1991, с. 104.
28. Бунак В. В. Вопросы расогенеза. // Происхождение и этническая история русского народа. — М., 1965, с. 184.
29. Мавродин В. В. Древняя Русь. — Л., 1946, с. 35.
30. Мозолевський Б. М. Скіфський степ. — К., 1983, с. 54 — 55, 90 — 91, 127, 174 — 181.
31. Седов В. В. Славяне Среднего Поднепровья (по данным палео-антропологии). // Советская этнография [СЭ]. — М., 1974, N 4, с. 16 — 31.
32. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. — М., 1987, с. 438 — 454.

33. Повесть временных лит. — Петрозаводск, 1991, с. 164 — 165.

34. Васильев И. Б. Предисловие // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). — Самара, 1995, с. 4; Гусева Н. Р. Об ариях, Ведах и национализме // Экономическая газета — Развитие. — М., 1997, N 12 - 13, с. 8. Кузьмина О. В., Шарафутдинова Э. С. Проблемы перехода от эпохи средней бронзы к эпохе поздней бронзы в Волго-Уралье // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). ..., с. 208 — 229; Лелеков Л. А. Вара // Мифы народов мира. Т. 1. ..., с. 215;

35. Асеев Ю. С. Джерела. Мистецтво Київської Русі. — К., 1980, с. 30 — 38.

36. Абакумов О. В. Відгалуження антського діалекту. // Ономастика України I тис. н. е. ..., с. 19 — 26.

37. Гак В. Г. Французский язык // БСЭ. 3-е изд. Т. 28. — М., 1978, с. 214 — 215. Слука А. Е. Французы // БСЭ. 3-е изд. Т. 28. с. 215 — 217.

38. Бунак В. В. Вопросы расогенеза. // Происхождение и этническая история русского народа. — М., 1965, с. 174 — 190.

39. Павленко Ю. В. Передісторія давніх русія у світовому контексті. ..., с. 60 — 90, 341 — 342.

40. Даниленко В. Н. Энеолит Украины — К., 1974, с. 128.

41. Андреев Н. Д. Раннеиндоевропейский праязык. — Л., 1986, с. 276.

42. Павленко Ю. В. Передісторія давніх русія у світовому контексті. ..., с. 40 — 60, 341.